

ВЫХОДИТЬ
 еженедельно по Субботамъ.
 Подписка принимается во
 всѣхъ Почтовыхъ Конторахъ
 Имперіи, въ С. П. и М. Поч-
 товыхъ газетныхъ Экспе-
 диціяхъ и въ С. П. Б., у
 книгопродавца Исакова.

КАВКАЗЪ.

ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

№ 37.

14 СЕНТЯБРЯ.

Годовая цѣна:
 Въ Тифлисѣ 7 руб. серебромъ.
 Съ пересылкою и доставкою на домъ 7-50.
 Полугодовая:
 Съ пересылкою и доставкою на домъ 4р. 6

1846.

ВЫСОЧАЙШИЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему представленію Намѣстника Кавказскаго, Высочайше повелѣть соизволилъ: Грузинско-Имеретинскаго Губернскаго Прокурора, Надворнаго Советника *Князя Туманова*, назначеннаго Княземъ Воронцовымъ предсѣдательствующимъ членомъ Комисіи, учрежденной въ г. Кутаисѣ для приведенія въ извѣстность Княжескихъ и Дворянскихъ фамилій по Имеретин, утвердить въ этой должности.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по представленію Князя Намѣстника Кавказскаго и по положенію Кавказскаго Комитета, въ 14-й день минушаго Августа, Высочайше повелѣть соизволилъ: не имѣющихъ чина, происходящихъ изъ духовнаго званія: Переводчика Бакинскій Градской Полиціи *Гавриила Попова*, исправляющаго должность Квартальнаго Надзирателя Шемахинскій Градской Полиціи *Степана Попова*, и Столоначальника Канцеляріи Начальника Каспійской Области *Моисей Зурабовъ*, произвести, за усердную службу, не въ примѣръ другимъ, въ Коллежскіе Регистраторы.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по представленію Намѣстника Кавказскаго, Высочайше повелѣть соизволилъ, во 2-й день минушаго Августа:

1. Для производства дѣлъ по Новороссійскому краю и Бессарабіи учредить при Канцеляріи Генералъ-Адъютанта Князя Воронцова, по званію Намѣстника Кавказскаго, особый столъ, въ видѣ временнаго, до тѣхъ поръ, пока Новороссійскій и Кавказскій край будутъ имѣть одного общаго Главнаго Начальника.

НАБѢДЪ КУНЧУКА. (*)

(Преданіе.)

Въ верстахъ пяти отъ нынѣшняго Павловскаго поста, на лѣвомъ берегу Кубани, среди глухаго лѣса, въ шалашѣ, толпа Черкесской молодежи беззаботно веселилась и громко пѣла пѣсню, порой заглушаемую звонкимъ ударомъ нагайки или плескомъ воды:

«Красавицы горы, на порогахъ саклей, за рукодѣльемъ, поютъ про подвиги храбрыхъ. На крутыхъ берегахъ кипучей Лабы, вятюцы брани выютъ арканы; а Темиръ-Казакъ, съ небесъ въ ясную ночь—указываетъ имъ сакли враговъ. И вотъ, не на задьяхъ, а грудью бурныхъ коней раскѣкаютъ Кубани шумныя воды, и пустыни безбрежныхъ степенъ пролетаютъ надучею звѣздой. Вотъ, предъ ними и древній Донъ плещетъ и сѣдыя волны катитъ; надъ волнами стелется туманъ; въ мглѣстой выси коршунъ лишь чернѣетъ, а по берегу лишь робкія лани бродятъ. . . .» Вдругъ, вблизи раздался чей-то голосъ. Пѣвцы примолкли, вслушались и вздрогнули. Кто-то напѣвалъ извѣстную битво-описательную пѣсню Казбека, которую суевѣрные Черкесы почитали зловѣщею.

«Подите и узнайте, какал это собака подошла къ намъ съ такимъ зловѣщимъ воємъ? . . . съ досадой воскликнулъ старшина; но, незванный гость уже былъ предъ ними.

— Да умножится добыча ваша добромъ отнятымъ у дальнихъ народовъ! Могу-ли къ вамъ войти? сказалъ незнакомецъ, спрыгнувъ съ коня и остановивъ на порогѣ шалаша. — Впрочемъ, прибавилъ набѣдникъ гордо, на мою скромность можно положиться — на мнѣ еще никто не илѣлъ проженной шанки, я дворянинъ!

«Гостепримство живетъ и въ шалашѣ, но совѣтую тебѣ впередъ не пѣть зловѣщей пѣсни, подлѣзая къ охранительямъ, которые съ часу-начасъ жадутъ возвращенія своихъ изъ набѣда!—сухо отвѣчалъ старшина.

— Я не прѣхалъ сюда учиться, что мнѣ дѣлать и чего не дѣлать! А о набѣдникахъ вашихъ знаю болѣе, чѣмъ вы

2. Столъ сей составить: изъ Столоначальника, двухъ его Помощниковъ: Старшаго и Младшаго, и двухъ писцовъ, сравнить ихъ всѣхъ въ окладахъ содержанія, классахъ и разрядахъ съ прочими чиновниками, состоящими въ тѣхъ-же званіяхъ въ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго, по штату оной, Высочайше утвержденному 9-го Февраля 1846 года.

И 3. Потребную на содержаніе сего стола сумму, всего 2. 200 руб. серебромъ въ годъ, отпускать изъ доходовъ г. Одессы.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ КАВКАЗА.

Баку. 30-го Августа, прибылъ сюда изъ Сифдуръ пароходъ *Тарки*, подъ управленіемъ Лейтенанта Свинкина; на немъ доставлено 30 пассажирѣвъ, и 34 мѣста шелку, который продается въ Баку отъ 100 до 106 руб. серебромъ. Пароходъ этотъ, взявши пассажировъ, отправился, 19-го числа, въ Астрахань.

14-го числа прибылъ, безъ груза, изъ Астрахани рѣчной пароходъ *Волна*, въ 30 силъ, подъ управленіемъ Лейтенанта Жеребцова; онъ отправился 22-го въ 8 часовъ утра, съ Капитанъ-Лейтенантомъ Зеленымъ, вверхъ по теченію Куръ, для изслѣдованія, могутъ-ли по этой рѣкѣ ходить суда, и если онъ не встрѣтитъ мелководья, или пороговъ; то въ скоромъ времени долженъ быть въ Тифлисѣ.

19-го Августа, прибылъ изъ Астрахани пароходъ *Ленкоранъ*, подъ управленіемъ Капитанъ-Лейтенанта Акулова, безъ груза, съ 9 пассажирами; 22-го числа, отправился къ острову Сара, 27-го возвратился обратно; а 30-го, снявшись съ якоря, отшелъ въ Астрахань, съ грузомъ: шелку 28

сами, и могу предсказать, что они не привезутъ и аршина ткани, не пригонятъ и жеребенка. Да что таить — не за тѣмъ и поѣхали! Прекрасная Гюль, быть можетъ, давно уже въ объятіяхъ бородача Нагайца, и похитить ее — дѣло невозможное, дерзкое! Впрочемъ, Кунчукъ самъ созданъ изъ дерзости, и какъ ему удалось пригнать табуны Шамхада изъ-за Казанища, схватить пѣвника изъ Джеметей, — то онъ готовъ на хвостѣ чорта переплыть чрезъ Азовское море.

Въ тѣ времена набѣдничества, о которыхъ и теперь старики не перестаютъ вздыхать, Черкесія блистала красавицами, какъ небо звѣздами въ ясную ночь, а набѣдники, какъ метеоры летали по ней, всюду оставляя за собой кровавые слѣды. Между тогдашними красавицами сила, какъ полная луна среди звѣздъ — прекрасная Гюль, а между набѣдниками, подобно молніи, сверкала знаменитый Кунчукъ — и на нихъ-то намекалъ незванный гость.

Онъ бы долго еще болталъ и хвасталъ своимъ всезнаніемъ, но старшина отвелъ его въ сторону и долго разговаривалъ съ нимъ тишкомъ. Наконецъ, прѣзкій гость сѣлъ на коня и прямо въѣхалъ въ воду.

— Бернъ выше! Бродъ на-песокъ! Быстрина снесетъ ниже раскопа — рыбакамъ будетъ праздникъ, кости воронамъ не достанутся! — кричали ему съ берега; но отважный набѣдникъ, не слушая совѣтовъ, вздернулъ ноги выше потника, надѣлъ шапку на шею, приподнял саблю и, махнувъ рукою, поплылъ напрямикъ. Волны бѣгали, плескались вокругъ него; привычный конь грудью рѣзалъ глубину воды, струи увивались за нимъ, какъ раздраженный змѣи, пѣна брызгала, и вотъ, еще сажень — и расколъ, — гибель неминуемая; но удамой набѣдникъ ударилъ нагайкой по головѣ лошади, она взвилась, и въ три скака вынесла безстрашнаго на противоположный берегъ. Толпа Черкесовъ ахнула отъ удивленія.

Незнакомецъ спрыгнулъ съ сѣдла, закинулъ поводья за луку, засучилъ рукава, выжалъ воду изъ шерети ляхаго скакуна, обтеръ ему глаза и лобъ. Какъ будто чувствуя нѣжныя заботы своего господина, конь игралъ и увивался вокругъ набѣдника. Наконецъ, тотъ сѣлъ опять въ сѣдло, помчался вскакъ, осадилъ, опять перекрестилъ нѣсколько

пудовъ. 6 фун., клею рыбьяго 5 пудовъ, 33 фун., сала 10 фун., палазовъ 4, воску желтаго 1 пудъ и шкуръ звѣринныхъ 3.

Александрополь. 15 Августа, выпалъ на поляхъ селенія Урутъ, Бомбакскаго участка, сильный градъ, величиною въ голубиное яйцо, коимъ выбито у жителей хлѣба, до 68 дневнаго паханія, и ячменя до 34 дней паханія.

Черноморская береговая Линія. 1-го минушаго Юля, открыты почтовые станціи въ Анапѣ, Джеметей и противъ Бугаза, на лѣвой сторонѣ Кубани.

ДВИЖЕНІЕ ТОРГОВЛИ ВЪ ЗАКАВКАЗСКОМЪ КРАѢ въ Юль 1846 года.

ПРИВОЗЪ:

	Серебромъ.	
	Руб.	Коп.
Издѣлій бумажныхъ — — — —	138,461	38
— — — шелковыхъ — — — —	59,281	68½
— — — шерстяныхъ — — — —	8,456	—
Сахару — — — — — — — —	17,368	—
Лѣсныхъ товаровъ — — — —	11,221	85
Красокъ — — — — — — — —	10,692	30
Скота — — — — — — — — —	10,273	20
Табаку — — — — — — — — —	5,048	75
Напитковъ — — — — — — — —	2,931	—
Хлѣба разнаго — — — — — —	1,940	—
Перцу — — — — — — — — — —	1,890	—
Кофе — — — — — — — — — —	1,635	—
Кожъ разныхъ — — — — — — —	1,461	20
Металловъ — — — — — — — —	1,678	2½
Разныхъ товаровъ — — — — —	26,645	9½
И того		298,973 48½

разъ тропинку, извивающуюся по берегу рѣки и, какъ молнія въ темной тучѣ, — исчезъ въ чащѣ лѣса.

— Старый волкъ! проговорилъ старшина, возвращаясь въ шалашъ.

— Лѣта покрыли голову его сѣдинами, а онъ еще не перестаетъ скитаться одиноко, какъ вепрь въ осеннюю пору, подхватилъ другой.

— Пусть-бы вѣкъ свой скитался, что намъ за дѣло, да къ чему было перебивать наше пѣніе зловѣщею пѣсней!

— Говорить, что у него лошадей уведи изъ конюшни и слѣдъ потерять въ лѣсу, а потому, завидѣвъ нашъ огонекъ, прѣхалъ узнать, кто мы такіе. Но Богъ съ нимъ, лучше запойте, дѣти, веселыя пѣсни набѣдническія. Прошла пора моей молодости, но сердце еще такъ и бьется отъ радости, когда услышу сладкій голосъ отваги.

Черныя тучи висѣли надъ Азовомъ; порой, вырывалась изъ нихъ пламенная молнія, небо всыхивало и снова темнѣло; дождь накрапывалъ; громъ рокоталъ глухо. Но городъ тихо засыпалъ; огоньки, одинъ за другимъ погасали, и только оклики часовыхъ на стѣнахъ крѣпости прерывали его могильное безмолвіе; наконецъ и то стихло.

Сверкнула молнія — и видно стало, какъ одинъ изъ часовыхъ спускалъ въ ровъ лѣстницу. Сверкнула еще, — и вотъ онъ уже ползетъ осторожно, какъ змѣя. Ядъ змѣи, въ мильонъ кратъ менѣе губителенъ и менѣе гнусенъ измѣны!

За холмами, вдали отъ крѣпости, сто человекъ панцирниковъ лежатъ, притаившись къ землѣ. За ними, десять пѣшихъ держатъ ихъ коней. Двадцать конныхъ стоятъ въ готовности для защиты.

Кто-то подползъ къ одному изъ ста, пошепталъ ему на ухо, и сто броней заскользило по травѣ, тихо, такъ тихо, что сама трава не слышала шелеста и звука колычугъ.

На краю города возвышался домъ пашы, обнесенный высокимъ стѣной изъ сырцоваго кирпича. Болтовня лишь стражи на дворѣ нарушала глубокое полночное молчаніе.

— Зачѣмъ пашъ держитъ здѣсь паша, какъ пѣшихъ собака? спросилъ новобранецъ товарища своего-старого шны

(*) Изъ сочиненій покойнаго Флигель-Адъютанта, Подполковника Султана Ханъ — Гирей.

ОТВОЗЪ:

	Серебромъ.	
	Руб.	Коп.
Издѣлій бумажныхъ	747	50
Шелковыхъ	4,721	—
Шерстяныхъ	1,270	—
Шелку сырца	4,890	—
Бумаги хлопчатой	2,600	—
Нефти	4,520	—
Икры паюсной	21,600	—
Хлѣба	3,966	—
Скота	8,964	—
Кожи разныхъ	11,165	—
Воску	1,010	—
Металловъ	1,218	—
Газныхъ товаровъ	11,622	80
Итого	78,294	30

Пошлинъ съ привозныхъ товаровъ
доставлено — 19,960 8¼

МОНЕТЫ.

Въ привозѣ 1,756 р. 40 к. Въ отвозѣ 427,639 р. 90½ к.

КАРАВАНЫ:

Въ приходѣ — 128. Въ отходѣ — 81

РАЗНЫХЪ СУДОВЪ:

Въ приходѣ — 59. Въ отходѣ — 66.

ГАНЖА (*).

Нынѣшній Елисаветополь, до переименованія своего (1804 г.), извѣстенъ былъ подъ названіемъ *Ганжи*. Но не ему первоначально принадлежало это имя, а другому городу, существовавшему до него, въ 7½ верстахъ отъ нынѣшняго.

Какъ основатель древней Ганжи, такъ и время основанія неизвѣстны. Въ этомъ отношеніи, Востоку чрезвычайно бѣднѣ, и невозможно найти полной лѣтописи или исторіи какого нибудь примѣчательнаго города или племени. Историки Востока много рассказываютъ о славіи древней Ганжи, но въ ихъ повѣствованіяхъ мало достовернаго.

Знаменитый стихотворецъ и лѣтописецъ Шахъ-Назаамій рассказываетъ о Ганжѣ слѣдующее: Старая Ганжа существовала еще до Александра Македонскаго. Красота города, обширная потогаданнему времени торговля, изобиліе даровъ природы—содѣлали

(*) Свѣденія эти заимствованы изъ рукописи на татарскомъ языкѣ, переходящей изъ рукъ въ руки Ганжинскихъ жителей. Почти каждое ханство имѣетъ подобныя хроники, которыя любопытны въ отношеніи внутреннихъ событий тѣхъ ханствъ, о которыхъ идетъ рѣчь; события же внѣшнія, доходившія только по слуху до лѣтописцевъ, не всегда бывають описаны достоверно. Прим. Ред.

чара.— Кого боится и отъ кого мы оберегаемъ его?

— «Держить, затѣмъ, что онъ можетъ это дѣлать. Настѣ дѣтей Бекташа, мало здѣсь, а силенъ—Нагайцами. Чего боится?... Пѣ! боится своей совѣсти;—отнялъ жену у Кунчука, того самаго деревца Черкесскаго, что дружились съ нимъ, а тотъ не быкъ, чтобы вытягивать шею свою подъ ярмо. Паша и не Персіанецъ, чтобъ поцѣловалъ полу его кафтана, когда этотъ скажетъ:—твоя жена мнѣ правится.

— Неужели отнял?... да какъ это случилось?

— «Случилось очень просто: паша былъ въ гостяхъ у сосѣда Кунчука, гдѣ на ту пору справляли заветъ; а на заветѣ, гдѣ у нихъ, какъ у невѣрныхъ, дѣвушки плясуютъ и веселятся при муцинахъ,—была и прекрасная Черкешенка. Красотка, какъ бѣльмо, бросилась на глаза пашѣ. «Кто она?»—Невѣста Кунчука—отвѣчали. «Что стоить?» Громкій смѣхъ былъ отвѣтомъ; паша покраснѣлъ; но знай, Бурабекъ, гдѣ смѣются, тамъ и плачутъ; гдѣ не продаютъ явно, тамъ торгуютъ тайно, и на этотъ разъ вышло тоже. Возъ бархата, парчи, сукна и всякаго добра тайкомъ перешелъ изъ кладовой пашы въ собачью лачугу отца красавицы, и однажды поутру, когда его не было дома, входитъ къ дочери Черкесъ и говоритъ шепотомъ, что Кунчукъ требуетъ скорого соединенія, что отецъ ея—скрига, радъ будетъ, если она убѣжитъ къ жениху и тѣмъ избавитъ его отъ издержекъ свадьбы. Видишь-ли, у этихъ собакъ обычай воровать женъ: отъ мешохищеннаго мяса у волка дѣлается оскомина. Женихъ-то былъ молодецъ, и красотка только и ждала словечка, чтобы броситься въ его объятія. День этотъ казался ей длиннѣе... длиннѣе... ну самой предлинной ночи, все посматривала на солнце, наконецъ, къ ея радости свѣтъ потухъ... какъ моя трубка... дайка огня! Когда ночь покрыла землю сорока покровами, а каждый изъ нихъ былъ червѣе совѣсти нашего кадія, тогда чело-вѣкъ десять подѣхало къ терновой оградѣ дома, гдѣ жила красавица; она вышла къ нимъ на встрѣчу и черезъ нѣсколько минутъ, уже мчалась по стени. Сердце у нее билось отъ радости, что скоро увидитъ милого, и ты думаешь, что увидѣла? Нѣтъ, братъ, если ты это думаешь, такъ ты глупъ братецъ;—не жениховы то были посланцы, а на-

ее предметомъ зависти сосѣдей. Послѣотчаянныхъ сопротивленій и кровопролитныхъ битвъ, наконецъ, она принуждена была заплатить дань Нушабѣ, владѣтельницѣ Баардаской (что въ Карабахѣ). Героиня эта славилась своею чудной красотой и дивнымъ даромъ слова. Этими дарами, болѣе нежели силою и храбростію своихъ войскъ, она покорила сосѣдей и приковывала къ себѣ многихъ владѣтелей. Молва о Нушабѣ достигла и до Александра Македонскаго, и онъ, съ малочисленнымъ войскомъ, въ видѣ посла, переодѣтый явился къ обворожительной царицѣ. Но героиня узнала въ немъ обладателя вселенной, и не съ большою снисходительностію поступила съ нимъ противу другихъ царей;—красотой и обольстительною бесѣдой плѣнила своего гостя, и Александръ Македонскій, обвороженный Баардаскою владѣтельницею, удался безъ всякихъ военныхъ дѣйствій, съ чувствомъ любви и уваженія. Вскорѣ, предводитель сѣверныхъ племенъ, именемъ Кенталъ, вторгшись во владѣнія Нушабен, разграбилъ царство, а царицу взялъ въ плѣнъ. Александръ Македонскій, узнавъ объ этомъ, послѣдился къ ней на помощь, напалъ на Кентала, разбилъ его, отнялъ Нушабею, а земли варвара разорилъ до основанія, и съ огромною добычею возвратился во свояси. Эти происшествія доставили случай Шахарскому владѣльцу на нѣкоторое время принудить Ганжинцевъ признавать его зависимость. Но вскорѣ, Кизиль-Арасланъ, владѣтель Алинджской Горы (близъ Нахичевани) отторгъ отъ него Ганжу и усвоилъ ей свое собственное имя, почему ее нѣкоторые и называютъ Кизиль-Арасланомъ.

Около 1602 года по Р. Х., Шахъ-Аббасъ напалъ на Кизиль-Арасланъ, разорилъ его до основанія, а жителей переселилъ въ нынѣшнюю Ганжу, для которой самъ начерталъ планъ, на постройку города выдалъ огромныя суммы, приказавъ построить три мечети въ Ишамзаде (гдѣ теперь зеленая мечеть) и освободилъ жителей отъ всякихъ податей и повинностей. Въ память-же будущимъ поколѣніямъ, назвалъ основанный имъ городъ своимъ именемъ: Аббасъ-абадъ (постройка Аббаса), и въ преимущество предъ другими городами назвалъ его *ключемъ Ширвана*. Послѣ того, назначивъ вмѣсто себя Правителемъ Ганжинскаго Ханства Аббаса Кули-Хана Зіатханова, отправился въ Персію. (*)

(*) До сихъ поръ неизвѣстно происхожденіе агаларовъ татарскихъ дистанцій. Можно позарать, что Шахъ-Аббасъ, дѣйствительно основавъ Ганжу, роздалъ близъ, лежащая земли храбрѣйшимъ изъ своихъ воиновъ, которые присвоили господство надъ туземными жителями, принудивъ ихъ принять магометанство. Что въ тѣхъ мѣстахъ обитали прежде Христиане, то это доказываютъ сохранившіеся и до настоящаго времени церкви Византійской архитектуры. Прим. Ред.

ни Нагаи отъ пашы, и съ ними тотъ Черкесъ, что обманулъ ее. Онъ надѣялся сдѣлаться любимцемъ пашы и разжиться первымъ богачомъ Азова, и ты думаешь, что онъ разжился и вошелъ въ милость? Нѣтъ, братецъ, онъ его просто выгналъ, а на ропотъ измѣнника, чуть-чуть не зажалъ горла веревкой.—«Ты вчера продалъ свою госпожу, а завтра продашь и меня, если кто посулитъ тебѣ яного золота, знаемъ васъ!» сказалъ паша. Измѣнникъ при тѣхъ, какъ овечка, и уже служить пашѣ, не при немъ, а въ стражѣ, вотъ тамъ на часахъ стоить.»

— Туда-то бы и не принимать его, а не то, пожалуй, и городъ продашь. Пусть-бы себѣ отворилъ врагамъ двери гарема пашы, оно ничего, никто и слезинки не проронитъ; но если городъ выдашь...»

— «А намъ что за дѣло? прервалъ его старый янычаръ.—Если бы и Стамбулъ сгорѣлъ, то у меня и одной рогожи не сторгить! Однакожъ, жаль дѣвушки! Я стоялъ на часахъ и подсмотрѣлъ: паша къ ней, а она грозитъ кинжаломъ и клянется зарѣзаться, если онъ шагъ къ ней подступитъ. Вѣдь она волчьяго племени. Да и паша съ родни имъ—Нагаецъ, и говорятъ уже успѣлъ уласкать красотку; черезъ недѣлю, сказывалъ садовникъ, будетъ свадьба. Но мнѣ что то худо вѣрится, да и она-то блѣдна, какъ смерть, а смотритъ чортомъ, тоскуетъ, не спитъ;—да посмотри, вотъ уже за полночь, а она отворяетъ окно...»

Съ послѣднимъ словомъ, старый янычаръ зѣвнулъ, какъ голодный волкъ, но уста его болѣе уже не смыкались—изъ-за угла выгнула пернатая стрѣла Черкеса и угодила прямо въ ротъ расказчика.

Изрубить стражу въ куски, разбить двери гарема—было дѣломъ одного мгновенія для отважной шайки удалцевъ.

Прекрасная Гюль—очутилась въ объятіяхъ Кунчука. Черкесы проворно хозайничали во дворцѣ пашы и прибирали къ рукамъ, что было по-цѣннѣе.—Кунчукъ, передавъ свою невѣсту въ надежныя руки, пошелъ искать пашу, чтобы отметить за безчестіе. Черкесъ, обомлѣвъ измѣнни- шій, слѣдовалъ за нимъ.

— «А жирный пѣсъ, съ яростію воскликнулъ Кунчукъ, ты

Послѣ смерти Шахъ-Аббаса, преемникомъ его Шахъ-Султанъ-Гуссейномъ, правителемъ Аббасъ-абада назначенъ былъ Калбаали-Ханъ Зіатхановъ. Въ его управленіе Лезгинъ страшно опустошили Ганжу, а въ Персію, въ тоже время, взбунтовали противъ Шахъ-Гуссейна одинъ изъ владѣтельныхъ Хановъ: Махмудъ-Авганъ, который истребилъ его семейство, и изъ 77 сыновей, одинъ только Тамасипъ спасся бѣгствомъ и укрылся за стѣнами Касбина. Вся Персію взволновалась, каждый Ханъ добивался первенства, но сабля Магмудъ Авгана была острѣе прочихъ и онъ сдѣлался Шахомъ Персію.

Во время общаго междоусобія Персію, Турецкій Султанъ Агмедъ, безъ всякой почти потери съ своей стороны, успѣлъ завладѣть многими провинціями Персію, и въ то же время отправилъ въ Гюрджистанъ (Грузію) Сарію Мустафу Пашу. Ганжа въ то время была осаждена Лезгинами. Турецкій военачальникъ прогналъ Лезгинъ, покорилъ Ханства: Шекинское, Ширванское и основанный въ Ганжѣ, по приказанію Султана, устроилъ въ ней крѣпость.

Тамасипъ, убѣжавшій въ Казвинъ, сдѣлался тамъ Ханомъ, оттуда пробрался въ столицу Шаха, и когда народъ увидѣлъ наследника Шахъ-Гуссейна, то съ торжествомъ призналъ его Шахомъ всей Персію. Но государство находилось въ смятеніи и большая часть его была въ рукахъ Турокъ, а потому Шахъ-Тамасъ просилъ помощи у Русскихъ; они пришли моремъ и вступили въ Ряштъ.

Въ то время явился Авшанъ—Надиръ—Имамъ Кули Бекъ, родомъ изъ простолюдинъ, но извѣстный отчаянною храбростію, умомъ, ловкостію; и снискавъ расположеніе Шахъ-Тамаса, возведенъ былъ имъ въ степенъ Хоросанскаго Хава. Авшанъ Надиръ, собравъ многочисленное войско, напалъ на Магмудъ Авгана, владѣвшаго Испаганомъ, и послѣ кровопролитной битвы, взялъ Испаганъ и убилъ Магмуда, со всѣми его приверженцами.

Персію успокоилась, Русскіе удалились изъ Ряшты, а Турки были изгнаны изъ всѣхъ мѣстъ, ими занятыхъ. Но спокойствіе это было не продолжительно: открылся мятежъ въ Хоросанѣ, Надиръ послѣдился туда для наказанія бунтовщиковъ, а тѣмъ временемъ вторглись Турки, и Шахъ-Тамасъ, спасая жизнь свою, соглашался на постыдныя требованія Турецкаго Пашы—уступить Турціи всѣ провинціи, лежащая по лѣвую сторону Аракса.

Трактатъ этотъ былъ поднесенъ Надиру для подписи, но онъ рѣшительно отказался утвердить его, и вслѣдствіе того возгорѣлась междоусобная война, въ которой Шахъ-Тамасъ былъ побѣжденъ, свергнутъ съ престола, а царство передано его малолѣтнему сыну, Аббасу, подъ управленіемъ Надира. Послѣдній, успокоивъ Персію, собралъ вой-

не умѣлъ цѣнить моей дружбы, такъ умѣй почувствовать злобу мою!— и обнажилъ свою саблю.

Паша гордо взглянулъ на него.

— «Мы съ тобой еще успѣемъ раздѣлаться, но прежде, мнѣ надо отдать долгъ за дружбу этому измѣннику,—сказалъ паша, указывая пистолетомъ на Черкеса;—выстрѣлъ грянулъ и тотъ покотился.»—Вотъ награда ему за услуги, а теперь, твоя очередь... Другой пистолетъ блеснулъ въ его рукѣ; но ужъ было поздно—сабля Кунчука тѣло опустыла надъ черепомъ пашы и раздвоенный, повалился къ ногамъ мстителя.

Между тѣмъ, тревога кипѣла въ городѣ, подоженномъ съ другаго конца. Партія Кунчука, съ его невѣстою, плѣнницами гарема и съ богатой добычей, спустилась по лѣстницамъ съ крѣпостнаго вала въ поле, товарищи ихъ под-скакали къ нимъ съ лошадьми, и удалцы умчались въ степь.

Одинъ Кунчукъ остался на курганѣ, любоваться картиною дѣла, имъ совершеннаго.

Волны пламени, гонимыя порывами сильнаго вѣтра, разбѣгались шире и шире по городу, обхватывали строения, вились и змѣями исчезали въ клубахъ чернаго дыма. Взрывы пороховыхъ погребовъ потрясали землю, взбрасывая подъ небо горы камня и тысячи людей.

Кунчукъ любовался дѣломъ своей мести!

А между тѣмъ, гроза на небѣ свирѣпѣла, гремѣли грома; казалось, раскатами своими говорили ему:—смирись! Но сердце Кунчука не знало смиренія, съ гордостію торжествовало злодѣаніе.

—«Гулай, душа, упивайся кровью враговъ! Славная месь!! Славная ней будетъ и память!!»—проговорилъ онъ, съ злобною радостію, надвинулъ шапку на глаза; удары нагайки, какъ градъ, посыпались на бока коня, и тотъ, быстрѣе вихря, умчалъ его въ степь и соединилъ съ семьей отважныхъ удалцевъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №.)

ска, пошелъ на Ганжу, и послѣ упорной битвы, выгнавъ изъ нее Турковъ, побилъ Лезгинъ, разорилъ весь Казы-Кумыкъ, владѣтель котораго бывалъ причиною частаго нападенія Лезгинъ на Ганжу. Устроивъ и эти провинціи и поставивъ въ нихъ своихъ правителей, отправился въ походъ противъ Индійскаго Шаха Магомета, который, несмотря на просьбы Надира, продолжалъ покровительствовать Персидскимъ бунтовщикамъ. По возвращеніи изъ этого славнаго похода, Надиръ провозгласенъ былъ Шахомъ.

Ни успѣхиславнаго завоевателя Востока, ни угрозы его, немогли удержать Лезгинъ отъ хищническихъ нападеній на Ганжу, и Шахъ принужденъ былъ послать войско, съ братомъ своимъ Ибрагимомъ, для ихъ усмиренія; но къ несчастію, Персіане были разбиты на голову подъ Белакабью и Ибрагимъ убитъ. Надиръ послалъ Правителемъ Ганжи Огурлу-Хана Зіатханова, и вслѣдъ за нимъ прибылъ и самъ съ многочисленнымъ войскомъ. Въ битвѣ съ Лезгинами Огурлу-Ханъ былъ убитъ, и Шахъ, въ знакъ признательности, велѣлъ похоронить его въ Ишамзаде (зеленой мечети) и соорудить надъ нимъ памятникъ. Опустошивъ почти весь Дагестанъ, Шахъ-Надиръ возвратился зимовать въ Ганжу. Тутъ ему дали знать о возмущеніи въ Персіи; онъ посвѣшилъ усмирить бунтовщиковъ и такъ строго наказалъ ихъ и многихъ владѣтельныхъ Хановъ, что возбудилъ противъ себя общее негодованіе;—слѣдствіе онаго возникъ другой заговоръ, и заговорщики убили Шаха, ночью, въ пазатѣ.

Смерть великаго Надира совершенно разстроила Персидское государство;—многіе Ханы сбѣжались независимыми, и въ этомъ числѣ владѣтель Ганжи и Карабаха: Гуссейнъ, Кули-Ханъ Зіатхановъ.—Потомъ Нава-Ханъ завладѣлъ Карабахомъ.

Пять лѣтъ спустя, Гуссейнъ-Кули-Ханъ умеръ, сынъ его, Кага-Кули, заступилъ его мѣсто.

На Персидскій престолъ взошелъ Керимъ-Ханъ и его Шахство было славно и счастливо. Послѣ его смерти, въ 1775 году, сбѣжался Шахомъ сынъ его, Шахвердій-Ханъ, а потомъ сынъ же его Мамедъ Ханъ: трехлѣтнее царствованіе послѣдняго оставило въ Ганжинцахъ память глубокой благодарности. Ему наследовалъ братъ его, Мамедъ-Ганжинскій.

Въ это время, въ Тифлисѣ былъ Ханомъ Валій Иракліи, а въ Карабагѣ сынъ Пана Хана,—Ибрагимъ Ханъ. Они соединенною силою напали на Ганжу и заставили ее признать надъ собою ихъ власть. По смерти Мамада, Ганжею управляли два повѣренные: Ираклія и Ибрагима. Но братъ Мамада Ганжинскаго, Рагимъ-Ханъ, тайно сбѣжавшій изъ Персіи, прибывъ въ Ганжу, выгнавъ этихъ повѣренныхъ, провозгласилъ себя Ханомъ. За этимъ должно было послѣдовать кровопролитіе, почему Ганжинцы выкрали изъ Карабага Джаватъ Хана, сына Шахверди Хана, возвели его на Ханство въ 1784 году. Рагимъ сбѣжалъ въ Карабагъ и съ войскомъ тамошняго владѣтеля пришелъ на Джавата; но тотъ заставилъ его отступить.

Въ 1795 году, Джаватъ-Ханъ Ганжинскій, вмѣстѣ съ Персидскимъ Шахомъ Ага-Магомедомъ, вторгся въ Тифлисъ. Вся почти Грузія была разорена и тысячи народа увлечены въ плѣнъ. По ухodu Ага Магомеда, Русскіе пришли на помощь Валію Ираклію, подъ начальствомъ Графа Зубова (*). Когда Ханства: Дербентское, Бакинское, Шекинское и Ширванское были заняты русскимъ войскомъ и оно уже приближалось взять и Ганжу, тогда Джаватъ-Ханъ выслалъ ключи и безпрекословно сдалъ крѣпость. Но вскорѣ русскія войска ушли, а Шахъ Ага-Магомедъ, желая вторично наказать Тифлисъ и вмѣстѣ съ тѣмъ Ганжу, съ многочисленнымъ войскомъ пришелъ въ Шушу и позвалъ къ себѣ Джаватъ-Хана. Тотъ явился и уже готовился принять назначенную ему смерть, но княжалъ пукера пресѣкъ жизнь кровожаднаго Шаха, и Джаватъ спасся, для того, чтобы въ безумномъ упорствѣ умереть на штыкахъ русскихъ, при штурмѣ Ганжи Княземъ Цицянорымъ, въ 1804 году. Въ то же время Ганжа была переименована въ Елисаветополь.

А. Лазаревъ.

КУМЫКИ,

ИХЪ ПРАВЫ, ОБЫЧАИ И ЗАКОНЫ.

Племя, исключительно почти населяющее Европу, большую часть Азии и, мѣстами, южные берега Средиземнаго моря, зовется Кавказскимъ, какъ-бы по мѣсту своей колыбели. Но если, на основаніи

(* Прозваннаго въ краѣ *золотая нога*, потому что графъ имѣлъ костью окованную золотомъ — даръ Императрицы Екатерины Великой.

древнихъ преданій, будемъ разыскивать въ настоящихъ жителяхъ сей страны первообразы нашихъ праотцевъ; то съ удивленіемъ увидимъ многоплеменное народонаселеніе, мѣстами съ страшнымъ смѣшеніемъ породъ Кавказской, Семитической и Монгольской, и въ нагорныхъ частяхъ ея слышъ нашъ поражать звуки нарѣчій гортанныхъ и грубыхъ, никогда не принадлежавшихъ европейскимъ языкамъ. Разноплеменность эта, издревле существующая на Кавказѣ, служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, что земля, о которой говоримъ, была давнишнимъ побоищемъ народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, начиная отъ первыхъ перекочевствъ пастушескихъ племенъ съ юга на сѣверъ, изъ тѣсныхъ долинъ средней Азии на безграничныя степи южной Россіи, и кончая послѣднимъ опустошительнымъ налетомъ Монгольской конницы, грозившимъ заглушить возникавшія семена просвѣщенія въ Европѣ,—Кавказъ былъ всегда постояннымъ перепутьемъ, чрезъ которое текли, и волны дикихъ завоевателей, и мирныя семьи пастушескихъ племенъ, безъ цѣли движущіяся впередъ за поимкомъ пастбищъ. Трудность мѣстъ, препятствія къ переходу хребта, чрезъ который, исключая узкой равнины, тянувшейся по западному берегу Каспійскаго моря, пролегали всего двѣ горныя, едва проходима тropy,—невольныо удерживали, въ ихъ слѣдованіи, странствующія племена. Они селились въ плодородныхъ долинахъ, образуемыхъ отрогами горъ, и когда новыя пришельцы, разбивши прежнихъ поселенцевъ, вытѣсняли ихъ и заставляли бѣжать далѣе къ сѣверу,—многіе изъ побѣжденныхъ, свикнувшись съ гостеприимнымъ небомъ, подавались въ горы, и тамъ, изъ обломковъ большаго народа, составлялось маленькое общество, пребывавшее неизмѣннымъ въ продолженіи тысячелѣтій, какъ скалы, на которыхъ дѣпились ихъ дома,—въ то время, какъ у ногъ ихъ, народы, какъ море бурное, бушевали и въ борьбѣ элементовъ мѣшались всѣ роли и всѣ первообразы. Но, на Кавказѣ, природа сама была не менѣе прихотлива и разнообразна своихъ обитателей. Все то, что расточила она на пространствѣ отъ ледяныхъ стремнинъ, до унылыхъ степей Малороссіи и дѣвственныхъ, непроходимыхъ лѣсовъ Америки, соединила въ небольшомъ очеркѣ границъ Кавказа, и это разнообразіе ея, еще болѣе можетъ быть, чѣмъ борьба народовъ, разнообразила духъ его жителей и формы обществъ, возникшихъ въ его предѣлахъ; ибо внѣшній міръ имѣетъ всепальное вліяніе на развитіе челока. Такъ напр. среди народовъ, одряхлѣвшихъ въ буряхъ жизни общественной, въ странѣ изыскавшаго населенія челока, и гдѣ нѣтъ урочища не ознаменованнаго событіемъ,—старый Кавказъ хранилъ до самыхъ позднихъ временъ землю общественную, представившую намъ, недавно еще, поучительный примѣръ первобытнаго, только-что возникающаго общества. Я говорю о Чечнѣ. Но я не имѣю здѣсь цѣлью представить общую картину Кавказа, и разыскать въ его народонаселеніи основныя элементы;—трудъ этотъ превышаетъ мои силы; я хотѣлъ только выставить трудности всякаго изысканія о племенахъ Кавказскихъ, и противуположности поражающія наблюдателя. Теперь, обращусь къ Кумыкскому народу, составляющему предметъ моихъ изслѣдованій.

Терекъ къ сѣверу. Сулакъ къ югу, Каспійское море къ востоку, и къ западу Качкальковскій хребетъ и послѣдніе отростки Салатовскихъ и Ауховскихъ горъ обозначаютъ границы земли, занимаемой нынѣ Кумыкскимъ народомъ.—Во всемъ прѣтяженіи она представляеть видъ обширной равнины, покатою къ морю; четыре рѣки, вытекающія изъ ущелій Ауховскихъ, орошаютъ все это пространство; но, по мѣлководію и по незначительности ската равнины, всѣ онѣ, верстахъ въ двадцати отъ своего выхода изъ ущелій, начинаютъ теряться въ камышахъ и, не доходя моря, исчезаютъ совершенно въ болотахъ, образуемыхъ ихъ водами. Западная, узкая полоса, которую очерчиваютъ у подошвы Качкальковскаго хребта и Ауховскихъ горъ, въ ширинѣ около двадцати верствъ, составляетъ лучшую часть Кумыкской плоскости. Берега рѣкъ опушены лѣсомъ, почва вездѣ черноземистая, плодородна при хоршей поливкѣ; въ этой полосѣ хлѣбопашество возможно, хотя расчистка полей, поросшихъ держидеревомъ, и рытіе канавъ потребуютъ отъ жителей довольно большаго трудовъ. Далѣе, отъ сей полосы до сплошнаго болота, составляющаго крайнюю восточную часть Кумыкскаго владѣнія, растается безлѣсная, печальная степь, поросшая высокими камышами, по руслу всаемаемыхъ землею рѣкъ. — Кромѣ посѣва чалтыка въ болотистыхъ мѣстахъ, все это пространство совершенно неспособно къ хлѣбопашеству и къ осѣдлому населенію, по недостатку лѣса и воды; но весьма удобно для скотоводства. Въ западной полосѣ живутъ Кумыки, въ средней кочуютъ Нагайцы. Какъ ни различны эти два народа, по настоящему ихъ образу жизни, степени образованности и даже чертамъ лица; однако же, судя по языку,

который у обоихъ одинаковъ и различается въ одномъ произношеніи словъ, оба принадлежатъ одному корню племенъ Трухменскихъ и Татарскихъ.

Прежде, чѣмъ разрѣшить вопросъ о происхожденіи Кумыковъ, сдѣлаемъ одно замѣчаніе. Въ географіи Русскихъ о Кавказѣ, названіе Кумыковъ исключительно присвоено племени, поселенному между Терекомъ и Сулакомъ, тогда-какъ по ту сторону Сулака, до самаго Дербента, живетъ народъ говорящій однимъ и тѣмъ же языкомъ, и самъ себя называющій Кумыкскимъ. Исключая нѣсколькихъ Лезгинскихъ деревень, онъ населяетъ все Шамхальство Тарковское. Туземцы—оба народа признаютъ за одинъ, и сами они различаютъ себя прозваніемъ зарѣчныхъ, которое взаимно даютъ другъ другу.

Наконецъ, въ древней географіи Кавказа, теперешнее владѣніе Шамхала Тарковскаго звалось Кумыкомъ. Но тутъ представляется затрудненіе. Мас-судіи, говорящій о Кумыкѣ, описываетъ племена Кавказскія въ томъ видѣ, какъ онъ засталъ ихъ въ началѣ IX вѣка, прежде еще завоеванія ихъ Аравитянами; но настоящіе Кумыки, судя по языку ихъ, несомнѣнно принадлежатъ къ племенамъ Татарскимъ, Нагайскимъ и Трухменскимъ, четырьмя вѣками позже, вслѣдъ за Батыемъ появившимся въ Россіи и за Кавказомъ. Какое-же племя были за-Сулакскіе Кумыки, о которыхъ говоритъ Арабскій писатель? — Безъ сомнѣнія, не Татарское; вотъ все, что можно отвѣчать. Но какъ бы то ни было, оно сохранило свое названіе, утративши совершенно языкъ и народность. Въ нашествіи Татарскомъ, оно было подавлено и поглощено въ толпахъ завоевателей, которымъ, въ свою очередь, передало, вмѣстѣ съ кровью, нѣкоторыя характеристическія черты лица, привычки жизни осѣдлой и древнее имя страны; остатки его и теперь, вѣроятно, въ какомъ нибудь ущеліи Дагестана вспоминаютъ звуки роднаго нарѣчія. И такъ, кочующіе Татары, поселившіеся по завоеванію на земляхъ древнихъ Кумыковъ, вмѣстѣ съ ними составили теперешній за-Сулакскій народъ. Заселеніе равнины, заключающейся между Терекомъ и Сулакомъ, такъ какъ гласитъ преданіе живо и ясно сохранившееся еще доселѣ, произошло гораздо позже, отъ выходцевъ изъ Шамхальства, которые смѣшавшись, въ свою очередь, съ выселенцами изъ горъ и изъ Кабарды, составили народъ, который преимущественно зовѣтъ нынѣ Кумыками.

Вѣроятно, еще и прежде, въ самой отдаленной древности, можетъ быть, по Кумыкской плоскости были разбланы кочевья; но осѣдлаго поселенія на ней не было до тѣхъ временъ, о которыхъ повѣствуетъ преданіе. Оно и естественно;—степи, представляющія всѣ удобства для жизни кочевой, не выгодны для хлѣбопашца; надо особую крайность и большой избытокъ народонаселенія, чтобы заставить его покинуть свои тучныя, вездѣ водою и лѣсомъ пообилующія долины, для земли, на которой безъ усиленнаго труда ничего не можетъ произрастать. На Кавказѣ-же, народонаселеніе, безпрерывно волнуемое приходомъ новыхъ племенъ, не могло значительно увеличиваться; оно улеглось и стало достигать своихъ естественныхъ предѣловъ, только послѣ послѣдняго нашествія Татаръ.

Вотъ преданіе о заселеніи Кумыкской плоскости, такъ какъ я слышалъ его отъ жителей:—Шамхаль Тарковскій, Чонолау, имѣлъ отъ одной изъ женъ своихъ, Кабардинки, изъ семьи узденей Алзоровыхъ, сына, Султанмута. Плодъ брака неравнаго, сынъ этотъ, по кореннымъ обычаямъ Дагестана, не могъ пользоваться всеми преимуществами, передаваемыми рожденіемъ, наравнѣ съ прочими сыновьями, у которыхъ матери были княжеской крови. Но онъ былъ гордъ и предприимчивъ, и когда, по смерти отца, братья стали притѣнять его, онъ сбѣжалъ въ Кабарду; собралъ тамъ дружину, и съ нею пошелъ воевать противъ братьевъ. Разсказываютъ, что братья, устранившіе его успѣховъ, предложили ему миръ и удѣлъ. Война прекратилась, и по условію, онъ получилъ въ нотометвенное владѣніе земли по правый берегъ Сулака, отъ горныхъ источниковъ между Чиръ-Юртомъ и Мятлами, вдоль по Сулаку, до рѣчки Торкалы-Озень.

Пространство это было, въ то время, пусто, и Султанмуть заложилъ тамъ первую деревню, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Чиръ-Юртъ. Кабардинцы, пришедшіе съ нимъ, поселились съ нимъ вмѣстѣ; вскорѣ стали выселяться подлѣ его покровительство многіе изъ Горцевъ, изъ Кумыковъ, привлеченные славою объ его храбрости и умѣ, и такимъ образомъ, на краю земли необитаемой, стало возникнуть новое общество, наполняемое выходцами изъ всѣхъ странъ, преимущественно изъ Шамхальства, которые упрочили въ немъ свой народный языкъ: Кабардинцы-же, составившіе его первоначальное зерно, передали ему свое народно-аристократическое правленіе и почти все гражданское устройство своего отечества. Трудно опредѣлительно назначить эпоху этого событія; однако же, судя по пода-

гать, по некоторымъ соображеніямъ, что оно было не раньше первой половины XVI-го столѣтія; ибо Кумыкскіе князья, отъ родоначальника своего Султанмута до настоящихъ временъ, считаютъ 13-ть поколѣній. Съ этого вѣка до водворенія Русскихъ, начинается эпоха благоденствія и отдыха для бѣдныхъ племенъ восточной части Кавказа. Разогнанные, опустошенные свирѣпыми набѣгами Татаръ, онѣ далеко убѣжали въ горы и долго скрывались, посреди голыхъ скалъ, не смѣя спуститься даже къ ущелью Сулака. — Но, ободренныя водворившимся спокойствіемъ, онѣ опять стали выселяться къ подошвѣ горъ. Едва-ли не къ этому вѣку надо отнести основаніе Чиркея, Зубута, Гимръ и почти всѣхъ деревень, лежащихъ по Кой-су.

Не много раньше описаннаго нами событія, нѣсколько семей Салатовцевъ, слѣдуя общему движенію Горцевъ, спустились къ ущелью Актиша и поселились на правомъ берегу его, выше дер. Андреевой, при впаденіи въ Акташъ потока Сала-су, — отъ нихъ вѣроятно получившаго свое названіе. Не долго проживши тамъ, они подались еще больше къ плоскости и остановились у самаго выхода изъ ущелья Акташа, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ еще доселѣ деревня Андреева, основанная ими.

Удобность и безопасность мѣста способствовали быстрому его населенію. Въ то самое время, Султанмуть, наскучивши непрерывными ссорами съ братьями, которые не переставали его притѣснять, рѣшился удалиться отъ нихъ и послалъ предложить Андреевцамъ принять его въ свое общество. Андреевцы согласились съ радостью, и Султанмуть, покинувши основанное имъ поселеніе, съ семействомъ и со всеми приверженцами своимъ, перешелъ на всегдашнее житіе въ Андреево. — Хотя этотъ переходъ совершился мирно, безъ насилія и не завоеванію, какъ стараются увѣрить теперешніе Кумыкскіе князья; несомнѣнно однако же, что прибытіе князя знаменитаго, съ преданной ему дружиной, посреди общества только-что возникающаго, разноплеменнаго, гдѣ время-е еще основаны законы, ни обычаевъ, должно было имѣть рѣшительное, всесильное вліяніе на установленіе правъ и порядка общественнаго. Въ этомъ сбрѣдѣ людей, со вчерашняго дня только соединенныхъ узамъ совместнаго жительства и общихъ выгодъ, еще чуждающихся другъ друга, появленіе Султанмута было какъ-бы откровеніе свыше правленія и власти гражданской, и всѣ они, не замѣтно и безъ принужденія, покорились ему, какъ слабый сильнѣйшему, какъ необразованный просвѣщенному. Земли пустой было много около вновь zaloженной деревни: князь, раздавши участки своимъ Кабардинскимъ и Кумыкскимъ узденямъ, получилъ естественное право на владѣніе остальною. Селившіеся въ послѣдствіи, обращались къ нему съ просьбою на полученіе участка и облызались, въ вознагражденіе отведенной имъ земли и оказываемого имъ покровительства, въ извѣстной степени подчиненностію и службою князю, т. е., по феодалному обычаю, перенятому у Кабардинцевъ, они поступали къ нему въ узденіи. — Такимъ образомъ, въ скоромъ времени большая часть жителей, по землѣ ими занимаемой, очутилась въ зависимости князей. Вольными дачниками остались только тѣ, которые, еще до прибытія Султанмута, выселились изъ горъ. Они составили впоследствии особый классъ, первый въ народѣ послѣ князей, и вѣроятно, по мѣсту ихъ первоначальнаго поселенія на рѣчкѣ Сала-су, стали извѣстны подъ именемъ Салау-узденъ, въ русскомъ, довольно извѣстномъ переводѣ-первостепенныхъ узденей. Но многіе изъ нихъ, даже въ первыя времена, чтобы избѣгнуть гоненія сильныхъ враговъ, или по бѣдности, добровольно отдавались подъ покровительство князей, и тѣмъ увеличивали число ихъ приверженцевъ. Сначала, потомки Султанмута какъ близкіе родственники, жили всѣ вмѣстѣ и составляли одну семью. Но, по мѣрѣ того, какъ ослабвало родство и увеличивалось общество, многіе изъ князей, раздѣливши имущество и земли принадлежавшія имъ дотошъ вообще, стали, въ свою очередь, родоначальниками отдѣльныхъ княжескихъ

домовъ. Такимъ образомъ, въ Андреевѣ, изъ пяти ауловъ или кварталовъ, на которые раздѣленъ городъ, четыре зовутся доселѣ по фамильнымъ именамъ четырехъ древнихъ княжескихъ семей. Каждый аулъ составлялъ какъ-бы отдѣльный городокъ, управляемый своимъ княжескимъ домомъ и населенный его приверженцами и служителями; пятый аулъ — называемый Салаулъ, былъ обитаемъ Салау-узденями, повсемѣ почти независимыми отъ князей. Семейныя распри, споры за земли заставили впоследствии нѣкоторыхъ изъ князей покинуть Андреево и заложить въ урочищѣ Герзель-аулъ, на рѣчкѣ Аксай, деревню Старый Аксай. Нѣсколько позже, былъ основанъ Костекъ, и наконецъ въ исходѣ XVIII столѣтія, Казинуртъ, съ дозволенія Русскаго Правительства, вблизи построенной Петромъ Великимъ крѣпости св. Креста. — Кромѣ четырехъ главныхъ поименованныхъ Кумыкскихъ деревень, на Кумыкской плоскости существуютъ многія другія, небольшія деревушки, отъ 200 до 50 и даже менѣе дворовъ. Изъ нихъ двѣ только, Баташъ-юртъ и Байрамъ-аулъ, основанныя выходцами изъ Кабарды, имѣютъ своихъ особыхъ владѣльцевъ; остальные принадлежатъ Андреевскимъ, Костекскимъ или Аксаевскимъ князьямъ, а въ началѣ были ничто иное, какъ хутора, населенныя ихъ крѣпостными людьми. Такъ напр. Султанъ-Янгъ-юртъ, Чоугаулъ и Темиръ-аулъ; первыя изъ нихъ по времени ихъ заселенія, поставлены лѣтъ 70-ть тому назадъ на Сулакѣ, Андреевскимъ княземъ Али-Султанъ-Ирсахановымъ, въ мѣстахъ удобныхъ для хлѣбопашества и сѣнокосовъ. Прочія основаны почти всѣ не болѣе лѣтъ 13 тому назадъ, по возвращеніи Кумыковъ въ 1831 году изъ горъ, куда послѣдовали за Казимуллою. До того времени, все народонаселеніе было сосредоточено въ четырехъ главныхъ деревняхъ; но тогда разсѣялось по небольшимъ хуторамъ, потому что обѣдѣнный народъ искалъ мѣстъ уединенныхъ, гдѣ могъ, неразвлекаемый службою Русскимъ, удобнѣе заняться полевыми работами. Чеченскія деревни, лежація въ сѣверной части Кумыкской плоскости и вдоль по Тереку, на земляхъ Аксаевскихъ князей, которыми платятъ дань, заселены тоже недавно выходцами изъ Качкалыка и Мечика. Многіе изъ князей воспользовались послѣдними смутными временами, давая убѣжище и земли выбѣгающимъ изъ горъ, и такимъ образомъ, на пустыхъ и дотошъ заброшенныхъ земляхъ, возникли зажиточныя и доходистыя деревушки.

У Кумыковъ издревле существовало крѣпостное состояніе; настоящіе рабы ихъ происходятъ или отъ пленныхъ, взятыхъ на войнѣ, или отъ вольныхъ людей, обманомъ вывезенныхъ изъ своихъ деревень и проданныхъ потомъ какому нибудь Кумыкскому князю или узденю. Промышленность эта до сихъ поръ очень дѣятельно производится между ними. Молодые удалцы ихъ, рыская по сосѣдямъ, чтобы выгнать изъ какого табуна легче будетъ угнуть лошадь или буйвола, не пропускаютъ удобнаго случая украсть мальчика или дѣвочку, и даже взростаго, когда на это есть возможность. Въ настоящее время, подобный товаръ сбывается обыкновенно въ Кабарду, откуда переправляется за Кубань; ибо Русское Правительство строго преслѣдуетъ этотъ торгъ и не оставляетъ безъ наказанія участвующихъ. Передъ закономъ Кумыкскимъ, крѣпостный человекъ совершенно во власти своего господина, которому предоставлено полное право наказывать его, казнить, даже и продавать съ семьей или отдѣльно, разлучая мужа отъ жены, дѣтей отъ матери; но подобная жестокость отвергается правами и положеніе крѣпостнаго сословія у Кумыковъ вовсе не тягостно. Обхождение господъ съ крѣпостными людьми вообще ласково; незамѣтно въ немъ этого нестерпимаго презрѣнія къ себѣ подобному, какъ-бы отчуждающаго его отъ человечества; телесныя наказанія рѣдки и никогда не бываютъ жестоки; примѣровъ казни почти не помнятъ. Причины этой снисходительности заключаются, частью, въ самомъ азиатскомъ образѣ жизни, который допускаетъ гораздо болѣе вольности въ обращеніи съ низшими, потому что кругъ отношеній домашнихъ тѣснѣе; чѣмъ въ

европейской жизни, частью, и это главное, отъ высокой цѣны холоповъ на Кавказѣ: взрослый мужчина платится отъ 300 до 350 р., — цѣна немалая, если взять въ соображеніе рѣдкость денегъ и ограниченность состояній туземцевъ.

Притомъ же, крѣпостное сословіе не многочисленно у Кумыковъ, холоповъ имѣютъ одни зажиточные люди, и рѣдко, чтобы у самаго богатаго изъ нихъ было болѣе 10 семей крѣпостныхъ. По-нятно, послѣ этого, что каждый старается, по возможности, хорошо содержать холопа изъ боязни, потерять его отъ жестокаго обращенія, и съ нимъ вмѣстѣ довольно значительный капиталъ; особливо стали осторожны владѣльцы въ настоящее время, когда побѣги въ Чечню сдѣлались часты. Крѣпостные люди живутъ обыкновенно въ самомъ домѣ господина и занимаютъ всѣми домашними и полевыми работами; женщины исполняютъ почти ту-же самую службу, что мужчины, рубятъ дрова, ходятъ на жатву хлѣба, молотятъ, и въ свободное время помогаютъ господамъ своимъ въ женскихъ работахъ. Сверхъ этихъ обыкновенныхъ занятій, молодцы в пригожія почти всегда обязаны увеселить господъ своихъ; по, пользуясь расположеніемъ послѣднихъ, онѣ подвергаются гоненіямъ законныхъ женъ; ежедневныя ссоры надоѣдаютъ мужу, а весь романъ кончается тѣмъ, что несчастную дѣвку продаютъ какому нибудь цѣпителю ея красоты. Этого, точно также чопушается съ нею, какъ и первый хозяинъ ея, пока не кончится тѣмъ же. Такимъ образомъ, холопка-преlestница переходитъ изъ рукъ въ руки, какъ яблоко раздора, и когда утратится красота и наступитъ старость, кончается блестящее поприще свое, какъ и прочія, ей подобныя, въ черныхъ работахъ свойственныхъ ея сословію. Дѣти, прижитые ею отъ господъ, вольны по рожденію, но не могутъ быть приняты въ сословіе ихъ отцовъ; если законъ Кумыкскій не допускаетъ въ неравныхъ бракахъ передачи дѣтямъ правъ и состоянія отца, то еще менѣе даетъ правъ дѣтямъ, прижитымъ незаконно съ холопкою. Избавленіе отъ рабства все преимущество, которое наследуютъ они отъ родителя, и хотя бы послѣдній былъ изъ князей, они не только не признаются Джанками, какъ дѣти узденей и князя; но и не могутъ даже быть причислены ни къ какому сословію. Рабское происхожденіе, — пятно, не вдругъ изглаживающееся въ Кумыкскомъ обществѣ. Отчужденные отъ всѣхъ сословій, люди эти становятся обыкновенно отчаянными набѣдниками, знаменитыми ворихками (*) и въ настоящее время, при Русскомъ управленіи, кончаютъ ссылкою въ Сибирь, или побѣгомъ въ Чечню.

Изъ крѣпостныхъ людей произошли у Кумыковъ два отдѣльные класса народа, составляющіе теперь едва-ли не главную часть народонаселенія: это вольноотпущенники (азаты) и Чагары.

Иногда хозяинъ добровольно отпускаетъ холопа на волю, въ награду за вѣрную службу, безъ всякой платы, а иногда холопъ откупается изъ крѣпостнаго состоянія. Въ обоихъ случаяхъ, онъ становится вольнымъ, но не принимается тотчасъ въ сословіе узденей. Освободившаяся семья долго сохраняетъ отношенія подчиненности къ семьѣ бывшихъ господъ; она составляетъ вокругъ послѣднихъ классъ приверженцевъ, всегда послушный, всегда единомышленныи съ ними и раздѣляющій ихъ судьбу. Отпущенники большою частью люди торговые, богатые, и потому часто бывають, что уже дѣти ихъ вступаютъ въ бракъ съ дочерьми узденей; черезъ нѣсколько поколѣній происхожденіе ихъ сглажено, если не забыто, и они почитаются узденями, наравнѣ съ прочими.

Чагары тѣ-же холопы, избавленные отъ домашней службы, и которымъ предоставлено, на извѣстныхъ условіяхъ, право пользоваться нѣкоторымъ участкомъ господской земли. Чтобы яснѣе представить положеніе этого сословія, скажемъ нѣсколько словъ объ его происхожденіи.

(*) Выраженіе мѣстное.

(Жизненіе въ слѣдующемъ №.)

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Книгопродавецъ Пелтье имѣетъ честь извѣстить почтеннѣйшую публику, что онъ получилъ новѣйшіе французскіе романы, лекціоны, грамматики, большое число хорошихъ дѣтскихъ книгъ, также лучшихъ сортовъ иностранную бумагу перловую и рисовальную, карандаши, стальные перья, тушь, краски и математическіе инструменты.

ПРІХАЩЕНІЕ и ВЫХАЩЕНІЕ.

Пріхашеніе въ Тифлисъ.

6 Сентября: Изъ ур. Тергеръ, Полк. Грамотинъ и Кап. Селесневъ. Изъ С. Петербурга: Титул. Сов. Вардаловъ.

Выхашеніе изъ Тифлиса.

Въ Г. Ставрополь, Полк. Маслово. Въ Г. Тамбовъ, Подп. Львовскій. Въ Г. Кубу, Подп. Сергеевскій. Въ Г. Георіевскій.

Изъ Г. Енисавого поля: Майоръ Князь Орбеліангъ. Изъ Г. Телавы: Прап. Петровъ. Изъ Г. Александрополя: Пор. Константиновъ. Изъ Г. Ставрополя: Лек. Ирталовскій. 7 Сентября: Изъ ур. Закъ: Пор. Янишевскій. Изъ Г. Ставрополя: Кол. Регис. Вигоринскій. 9 Сентября, Изъ С. Храмъ: Майоръ Шелютъ. Изъ Гахетія, Титул. Сов. Антоновъ. 10 Сентября, Изъ ур. Царскихъ-колодець: Подп. Авалдовъ. Изъ Г. Пятигорскъ: П. ан. Спеселовъ. 11 СЕНТЯБРЯ Изъ Г. Пятигорскъ, Нада. Совѣт. Дубинскъ. Изъ М. Кумака, Подпол. Рудановскій.

Подп. Теплово. Въ Г. Телавъ, Тит. Сов. Антоновъ. Въ Г. Одессу, Губ. Сек. Исаровъ. Въ ур. Царскіе-Колодцы, Штаб. Кап. Гилевичъ. Въ ур. Каменную-рѣчку, Полк. Грамотинъ. Въ Г. Баку, Кол. Сек. Трошевскій. Въ Г. Ставрополь, Кол. Регис. Вигоринскій. Въ ур. Царскіе-Колодцы, Полк. Каряковичъ. Въ Сѣверный-Дагестанъ, Полк. Санковскій. Въ Г. Нахичевань, Полк. Лисачевъ. Въ Г. Кутаисъ, Майоръ Окромладисовъ.